

Тан Буфань невольно потянулся к собственной макушке. Постричься... Сам он не притрагивался к ножницам больше двух лет. Жизнь в скитаниях оказалась слишком суровой и изматывающей, чтобы думать о такой роскоши; так и привык ходить неприкаянным да заросшим.

— Немного подровнять или срезать покороче? — Тан Буфань зашел Лу И за спину и запустил пальцы в его шевелюру. На пол с тихим шорохом посыпались крупинки мелкого песка.

— Как думаете, учитель? — спросил Лу И.

Тан Буфань оценил длину. Пряди доставали почти до поясницы — парень явно отращивал их года три, а то и все четыре.

— Тебе нравятся длинные волосы? — поинтересовался Тан Буфань.

Лу И всё-таки был сыном самого Верховного лидера, и в отличие от Тан Буфани ему не приходилось лениться или умываться из лужи. О его причёске наверняка заботился целый штат прислуги.

— Ну... — Лу И замялся, на его лице промелькнуло смущение. — История о том, почему я решил их отрастить, довольно запутанная.

Тан Буфань продолжал перебирать его локоны, искренне любясь мягкими, упругими завитками — редким и потрясающе красивым от природы даром. Внезапно в голове у него сложился пазл.

— Из-за мамы?

Черты лица Лу И — выразительный разрез глаз, высокая переносица — при всей мужественности сохраняли едва уловимую, нежную мягкость. И дело было не только в его юном возрасте (всего-то семнадцать лет), но и в поразительном сходстве с покойной матерью.

Лу И не ожидал такой пронизательности. Его щеки слегка порозовели.

— Да... Одно время в детстве я... вел себя не совсем нормально.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Тан Буфань, вскинув на него взгляд.

— Просто... — Лу И на секунду замялся, решаясь на откровение. — Первые года два после ее смерти я жил как в тумане. Однажды мне приснился кошмар. Посреди ночи, сам не свой, я поднялся в ее комнату в башне. Посмотрел на трюмо и в отражении... на мгновение мне показалось, что это она.

У Тан Буфаня болезненно сжалось сердце.

— Только тогда я заметил, какими длинными стали мои волосы... Я сел перед маминым туалетным столиком, стал перебирать ее украшения и, глядя в зеркало, притворялся, будто разговариваю с ней.

Лу И умолк. Ему было неловко вспоминать столь постыдный и уязвимый момент из детства. Он робко оглянулся на Тан Буфаня и застыл от удивления — тот смотрел на него, и его темные глаза подозрительно заблестели от слез.

Лу И растерялся. Тан Буфань поспешно взял себя в руки, смахнул нахлынувшие чувства и, подхватив железный таз, подошел к раковине.

— Ну-ка, неси стул и садись поближе, — позвал он как ни в чем не бывало. — Учитель вымоет тебе голову.

Только договорив, он понял, что выдал себя с головой: в горле встал комок, а голос предательски дрогнул и осип.

Лу И медленно подошел ближе, обеспокоенно заглядывая Тан Буфаню в лицо.

— Учитель... я вас расстроил?

— Нет... — Тан Буфань закусил губу, пытаясь сдержаться, но эмоции взяли верх. Он шагнул вперед и крепко, до хруста в ребрах, обнял Лу И.

В это объятие он вложил всю силу своего сопереживания, пытаясь поделиться с ним теплом, которого мальчику так не хватало в детстве.

Лу И на мгновение оцепенел, но тут же расслабился и мягко прижался в ответ. Его сердце застучало чуть быстрее.

«Надо же, какой он миниатюрный».

— Учитель, всё хорошо, — Лу И ласково приобнял его за плечи, взгляд его потеплел. — Я давно вырос.

Позже личный психотерапевт отвез его в фильтрационный лагерь. Там Лу И увидел беженца, который так отчаянно рвался обратно в Подземный город, что расшиб себе лоб о бетон до кровавого месива. Это зрелище выдернуло мальчика из мира иллюзий. Именно тогда он окончательно осознал, каков его путь и что он обязан сделать в этой жизни.

— Как бы мне хотелось оказаться рядом с тобой в то время, — шмыгнув носом, глухо пробормотал Тан Буфань.

— Но вы здесь сейчас, — Лу И улыбнулся, бережно сжимая его в объятиях.

— Это совсем другое.

— То же самое, — возразил Лу И и, помолчав, добавил: — И вообще, я рад, что вы ненамного старше меня.

Тан Буфань недоуменно нахмурился, не понимая, к чему клонит ученик.

Наступила тишина, и вскоре атмосфера между ними стала какой-то неловкой, даже двусмысленной.

Лу И раздумывал, стоит ли дружески похлопать учителя по спине, а Тан Буфань мысленно ругал себя за очередную минутную слабость. Какого черта он вечно кидается обниматься?

«В прошлый раз вообще его поцеловал... Когда это я успел превратиться в столь импульсивного человека? Раньше я никогда не позволял себе ничего подобного».

Смутившись, он резко отшатнулся и выскользнул из объятий. Занесенная рука Лу И так и зависла в воздухе. Оба неловко замолчали.

— Кхм, — Тан Буфань прочистил горло и торопливо отвернулся к крану, пуская воду. — Так, садись скорее, сейчас устроим тебе головомойку!

Он твердо вознамерился вернуться к прерванному делу.

—... — Лу И лишь беспомощно улыбнулся, придвинул раскладной стул и послушно устроился на нем.

Мыть волосы парню Тан Буфаню было не впервой — опыт уже имелся, так что руки действовали уверенно.

— Сколько тебе тогда было лет? — спросил он, бережно смачивая золотистые пряди теплой водой.

— Девять, — смущенно отозвался Лу И и тут же перевел тему: — Учитель, а у вас в детстве были какие-нибудь... постыдные секреты?

К слову, о семье Тан Буфаня он до сих пор почти ничего не знал.

— Разумеется, — вздохнул Тан Буфань. — Пожалуй, самый жуткий мой позор случился в первом классе. Я стянул механический карандаш в лавке прямо у ворот школы, и хозяин поймал меня за руку.

Лу И даже замер от неожиданности. Он никак не мог сопоставить образ благородного учителя с мелким воровством.

— Лавочник был пухлым, свирепым мужиком. Он так злобно орал и таскал меня за ухо, что даже кожу до крови разодрал. Я, конечно, разревелся. Вокруг собралась толпа — одноклассники, их родители... Все пилились на меня. До сих пор мороз по коже, как вспомню этот кошмар, — Тан Буфань сокрушенно покачал головой.

— Но... зачем вы это сделали? — полюбопытствовал Лу И. — Разве двадцать первый век не был эпохой наивысшего расцвета человечества?

— В самые сытые времена находятся те, кто живет впроголодь, — Тан Буфань мягко массировал кожу головы Лу И, смывая остатки песка, и неторопливо делился прошлым. — Я рос без отца, в неполной семье. Мама была невероятно красивой, но ужасно наивной. В профессиональном училище какой-то парень поухаживал за ней, пару раз принес завтрак, окружил заботой — она и растаяла. Забеременела совсем девчонкой. Шел тысяча девятьсот девяносто седьмой год. Мой дедушка, простой деревенский мужик старых нравов, об аборте и слышать не хотел. Сразу решил: надо играть свадьбу.

Тан Буфань сердито нахмурился, в его голосе прорезалась злость:

— Семья этого подлеца сначала била себя в грудь и обещала золотые горы, а потом они дали заднюю. Решили, что в семнадцать лет жениться рановато, и по-тихому услали сынка в Гуандун — якобы «осваивать рабочую специальность». Мама, ничего не подозревая, радостно ждала свадьбы, а когда поняла, что жених сбежал, разрыдалась прямо у них на пороге. Из училища ее к тому времени уже поперли, срок был месяцев шесть. Дедушка всю ночь напролет курил махорку, а наутро спросил: «Оставлять-то будешь?» Мама погладила живот и твердо кивнула. Так я и появился на свет.

Лу И слушал затаив дыхание. Тан Буфань всегда казался ему выходцем из интеллигентной, благополучной семьи — несмотря на крайнюю худобу, у него была благородная осанка, светлая кожа и манеры настоящего ученого. Трудно было представить, через какие суровые испытания ему пришлось пройти.

— Когда я родился, мама уехала в уездный город работать продавщицей в магазине одежды, а меня оставила с дедушкой в деревне — помогать по огороду. Когда пришло время идти в школу, она забрала меня к себе. В классе я оказался самым бедным. У всех ребят были красивые автоматические карандаши, а у меня — самый простой огрызок. Я знал, что у мамы нет лишних денег, вот и бес попутал... полез воровать.

Тан Буфань тяжело вздохнул:

— С тех пор у меня сердце кровью обливается, когда вижу нищих детей. Какая пропасть из комплексов и обид вырастает у них в душе — я знаю лучше, чем кто-либо другой.

— И что произошло дальше? — с сочувствием спросил Лу И. — Тот лавочник вас отпустил?

— Какое там... К счастью, мимо проходила моя классная руководительница — как раз шла домой после уроков. Услышав крики, она подошла разузнать, в чем дело, и увидела меня. Это был крах всего мира. Но она бывала у нас дома, знала, как тяжело нам приходится. Она молча достала деньги и заплатила за этот проклятый карандаш. Только тогда хозяин лавки разжал пальцы. Учительница еще и отчитала его за то, что он распустил руки и разорвал мне ухо до крови.

— Я запомнил этот день до мельчайших деталей. Карандаш стоил два юаня, а коробочка сменных грифелей — пятьдесят фэней. Всего два с половиной юаня. Самые позорные деньги в моей жизни. В свои семь лет я умудрился растоптать собственное достоинство ради грошовой безделушки.

—... — Лу И помрачнел, чувствуя, как на сердце ложится тяжелый камень.

Тем временем Тан Буфань продолжал аккуратно намыливать его голову, со светлой грустью добавляя:

— Если бы не три моих учителя, которые буквально тащили меня за уши всю дорогу, я бы никогда не закончил школу и не поступил в университет.

— Три?

— Из начальной школы, средней и старшей, — Тан Буфань тепло и признательно улыбнулся. — Мне невероятно повезло встретить настоящих Людей с большой буквы. Учитель из средней школы настоял, чтобы я шел в старшие классы, а не гробил будущее в ПТУ. А классный руководитель из старшей помог организовать похороны мамы и устроил сбор пожертвований среди учителей. Он повлиял на меня сильнее всего. Именно он привил мне любовь к каллиграфии.

Сердце Лу И болезненно сжалось. Он попытался приподнять голову, чтобы взглянуть на Тан Буфаня, но ладонь учителя мягко, но настойчиво вернула его лицом к воде.

Тан Буфань просто не хотел, чтобы мальчик видел его повлажневшие глаза.

— Ваша мама... она умерла от болезни?

— Рак поджелудочной. Сгорела буквально за год с момента диагноза, — тихо выговорил Тан Буфань. — А дедушка скоропостижно скончался прямо в поле, когда я учился в восьмом классе. Упал посреди пашни, и только поздно вечером его нашла соседка. Так что к десятому классу я остался круглой сиротой.

— И совсем никого из родственников не осталось? — нахмурился Лу И.

— Никого. Дедушка ведь всю жизнь прожил бобылем из-за бедности, а маму еще младенцем подобрал на улице.

Лу И всё понял. Он попытался утешить его:

— Учитель, не грустите. Теперь у вас есть я.

— И что, готов быть рядом до конца моих дней? — Тан Буфань слабо улыбнулся, пытаясь перевести всё в шутку.

— Всё равно я не собираюсь заводить семью...

— Но мне в любом случае нужно вернуться домой.

Лу И замолчал. Он сидел, низко опустив голову, пока Тан Буфань промывал его золотистые пряди, скрывая свое лицо от взгляда учителя.

— После смерти мамы я всерьез собирался бросить учебу, но мой классный раздобыл денег, да и деревня выделила небольшое пособие. Кое-как, на птичьих правах, я дополз до выпуска, — раз уж Тан Буфань начал откровенничать, он решил выговориться до конца.

— В университете я устроился на подработку. Поскольку внешностью обделен не был, меня взяли официантом в престижный ресторан неподалеку от кампуса. И надо же было случиться, что туда заглянул популярный фуд-блогер. Он затащил меня в кадр во время прямой трансляции и давай допытываться у подписчиков, мол, зацените, какой красавчик обслуживает! Видео завирусилось, и я в один миг стал местной знаменитостью. Сразу посыпались предложения от модельных агентств, я снялся для нескольких модных журналов... Голова тогда закружилась знатно. Легкие деньги, внимание девчонок — я едва не потерял рассудок от этой мишуры.

Лу И больше не мог сидеть спокойно. Он вскинул мокрую голову, глядя на Тан Буфаня округлившимися глазами:

— У вас были отношения?

— Нет, — Тан Буфань безжалостно вернул его макушку в таз. — Желающих хватало и в вузе, и в сети, но мне было не до романов — я крутился как белка в колесе ради заработка. Честно говоря, мне просто льстило их обожание. Но из-за этой суеты я запустил учебу и завалил зимнюю сессию по двум предметам. Узнав об этом, мой школьный наставник рассвирепел, примчался ко мне на квартиру и всыпал по первое число.

— Чего? — изумился Лу И. — Он... поднял на вас руку?

— Еще как! Пластиковой вешалкой для одежды огрел, — Тан Буфань не удержался от смешка при воспоминании об этом. — Представь картину: здоровый двадцатилетний лоб ревет от боли и обиды. Он так кричал... Мол, уехал в мегаполис и растерял все человеческое. С трудом поступил в педагогический, а вместо учебы торгует смазливой рожей! В сердцах он даже сломал мою любимую кисть для каллиграфии, которую сам же когда-то и подарил...

— Учитель, признайтесь, вы ведь у него научились так виртуозно отчитывать людей? — не удержался Лу И. Ему давно хотелось подколоть Тан Буфаня: когда тот брался за нотации, спорить с ним было решительно невозможно — столько авторитета и праведного гнева звенело в его голосе.

Тан Буфань слегка покраснел и легонько шлепнул его по затылку:

— Глупости говоришь. Разве я когда-нибудь ругал тебя по-настоящему? Это была исключительно отеческая забота и наставление на путь истинный.

«И деретесь вы тоже весьма ощутимо», — мысленно усмехнулся Лу И.

Шутки в сторону, во взгляде Тан Буфаня затеплилась глубокая, светлая ностальгия:

— Тот учитель заменил мне отца. После смерти мамы он каждый Новый год звал меня к себе в семью. В самые голодные студенческие времена он тайком совал мне деньги на еду. Поэтому, когда он с треском переломил ту кисть, у меня словно земля ушла из-под ног. В ту же секунду я очнулся. Весь зимний отпуск я не вылезал из-за книг, а как только пересдал долги, сразу же разорвал все контракты с агентствами.

— А ведь из меня мог получиться неплохой актер, — с гордостью подметил Тан Буфань, споласкивая волосы Лу И. — Сразу несколько крупных продюсерских центров предлагали контракты.

Немного помолчав, он тихонько заворчал себе под нос:

— Правда, стоило мне бросить съемки, как куча девчонок тут же отписались от моих соцсетей. Тоже мне... Чем это профессия педагога хуже кривляния перед камерой?

— Ничего страшного. Я буду вашим самым преданным фанатом, — серьезно произнес Лу И.

— Ты не девчонка, — отмахнулся Тан Буфань со всей своей прямоотой. — Девчата умели подлизаться, называли меня ласково: «братик».

— Я тоже так могу, — Лу И, все так же не поднимая головы, тихо выдохнул: — Братик...

— Иди ты, — фыркнул Тан Буфань, но не сдержал улыбки. Он легонько взъерошил пену на его макушке: — Совсем страх потерял. Для тебя я — учитель!

Увидев, что Тан Буфань наконец-то повеселел, Лу И облегченно вздохнул и послушно повторил:

— Учитель.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно кивнул Тан Буфань. Поскольку его самого вырастили и воспитали чужие люди, он искренне верил в свои идеалы: — Настоящая связь между учителем и учеником — великое чувство. Оно ничуть не уступает дружбе или любви. Прямо как у меня с моими наставниками. Или... как у нас с тобой.

Наступила тишина. Лу И сидел неподвижно, погруженный в глубокое замешательство.

«Связь учителя и ученика...»

В памяти всплыли недавние обьятия.

«Это тоже было проявлением профессиональной привязанности?»

Он вспомнил поцелуй в пустыне под звездным куполом, когда они сидели вдвоем на крыше фургона.

«И это тоже укладывалось в рамки отношений между педагогом и воспитанником?»

Тан Буфань, не замечая его смятения, бережно выжал тяжелые золотые пряди и вытащил их из таза. Сердце его наполняла тихая гордость за проделанную работу.

— Посиди пока так, я сейчас принесу чистой воды, чтобы сполоснуть.

— Хорошо, — послушно отозвался Лу И. Его голос прозвучал чуть тише обычного, но Тан Буфань не придавал этому значения.

Тан Буфань вылил грязную воду с песком, набрал свежей и тщательно промыл волосы Лу И еще раз. Теперь его золотая шевелюра сияла идеальной чистотой.

Закончив с мытьем, они перебрались к железной кровати. Лу И устроился на полу, а Тан Буфань присел на край матраса.

— Прошло уже четыре года с тех пор, как я очутился в этом безумном мире. Интересно, как там мои старики? — Тан Буфань принялся бережно вытирать волосы парня мягким полотенцем, тихо вздыхая. — Моя первая учительница сейчас как раз занимает пост директора школы. Наше с Чэнь Фэем внезапное исчезновение наверняка подкосило ее здоровье. А уж каково маме Чэнь Фэя... Бедная женщина, представить страшно, сколько слез она пролила.

Он раздосадованно цыкнул:

— Нужно во что бы то ни стало возвращаться назад. И как можно скорее.

Лу И сидел молча, уставившись в пол. Тан Буфань слегка подтолкнул его плечом вперед и потянулся к ножницам.

— Ну так что, насколько укоротить? — спросил он, шутливо предупреждая: — Сразу говорю: парикмахер из меня так себе.

— Не нужно стричь, — внезапно выговорил Лу И.

Тан Буфань удивленно моргнул и заглянул ему в лицо:

— Ты... расстроился из-за чего-то?

— Вовсе нет, — Лу И постарался придать голосу максимально будничное звучание. — Просто передумал. Жалко срезать.

Тан Буфань окинул взглядом его длинные вьющиеся локоны. Чистые, они отливали благородным золотом и, влажные, мягко обрамляли лицо, подчеркивая утонченность черт юноши.

Да он выглядел изящнее и красивее большинства девушек.

— И то правда, — добродушно усмехнулся Тан Буфань, откладывая ножницы в сторону. — Лу И у нас слишком красивый парень, чтобы лишаться такого сокровища.

Он снова взял полотенце и принялся ласково сушить его волосы.

<http://bllate.org/book/19039/1986955>